

На его лице отразились и радостное удивление, и легкая зависть. Слегка приоткрытые от чая губы влажно блестели, а черные, блестящие глаза в клубах чайного пара словно затянулись легкой дымкой. Хо Ци, наблюдая, как молодой наследник князя словно опьянел от чая, почувствовал в сердце что-то похожее на умиление.

— Если чай пришелся наследнику по вкусу, я сейчас же распоряжусь, чтобы управляющий завернул свежесобранных цветов сливы мэйхуа и доставил их в княжескую резиденцию.

— Благодарю генерала за доброту. Однако, полагаю, что, оторванные от родниковой воды с задних гор, эти цветы утратят свой нынешний чудесный аромат. Сердечно признателен генералу за внимание, но не смею так бесцеремонно расточать дары природы.

Ло Цинъян сделал еще один глоток, причмокнул губами и продолжил:

— В прошлый раз, когда я слегка простудился, генерал уже утруждал себя заботой. На сей раз мне и вправду неудобно принимать в дар зимнюю сливу из вашего сада для заваривания чая.

Услышав это, Хо Ци наконец вспомнил, как не так давно управляющий Ван доставлял лекарства в дом князя Аньхэ. Он предположил, что визит Ло Цинъяна, скорее всего, связан именно с тем даром лекарств. Но дарителей ведь было великое множество, а пакет с снадобьем — всего лишь скромный знак внимания. Как же это могло стать причиной личного визита Ло Цинъяна?

И точно, Ло Цинъян тут же добавил:

— Мы с генералом встречались лишь однажды. Для меня большая честь, что вы обо мне помните. Я, Цинъян, долго размышлял и счел, что только личный визит с выражением благодарности может быть достойным ответом на доброту генерала Хо, проявленную в даре лекарств.

Рука Хо Ци, легонько постукивавшая по колену, замерла. Внутри у него уже роились тысячи мыслей, но на лице не дрогнул ни один мускул.

— О какой «доброте в даре лекарств» может идти речь? В столице несть числа тем, кто присылал лекарства молодому наследнику. Какими же заслугами обладаю я, Хо Ци, чтобы удостоиться личного визита с благодарностью?

Выслушав слова Хо Ци, лицо Ло Цинъяна вспыхнуло ярким румянцем. Он понял скрытый смысл его речей: тех, кто присылал ему лекарства, было бесчисленно. Неужели он должен был нанести визит каждому? И если лишь Хо Ци удостоился такой чести, то с какими же намерениями он сам пришел сюда?

Видя смущение на лице Ло Цинъяна, Хо Ци тоже почувствовал, что его слова прозвучали излишне резко. В конце концов, Ло Цинъян руководствовался благими намерениями. Поэтому он сменил тему:

— Сейчас как раз время трапезы. Не знаю, вкушал ли уже наследник? Если в желудке пусто и голод дает о себе знать, я прикажу слугам приготовить угощение.

Ло Цинъян покачал головой, давая понять, что не голоден. Тем временем чай постепенно остывал, и Хо Ци наконец смог ясно разглядеть прекрасные глаза собеседника, похожие на цветы персика, от природы полные изящества и хранящие в себе редкую долю чистосердечия.

— Пусть генерал не посетует на Цинъяна за бесцеремонность. Я давно восхищаюсь генералом. От рождения я был слаб, в детстве часто болел. Чтобы я мог поправить здоровье, отец-князь отправил меня на юг, в Цзяннань. Я люблю читать народные повести. В легендах и сказаниях часто описываются суровые северные земли, безлюдные и пустынные, но с одинокими дымами над великой пустыней, верблюжьими колокольчиками и заморскими танцовщицами. А еще более привлекательными предстают могучие генералы, защищающие страну от врагов у ее ворот. Я им бесконечно завидовал.

Ло Цинъян слегка смутился. Он украдкой взглянул на Хо Ци и увидел, что тот с улыбкой смотрит на него. В сердце юноши зародилось легкое волнение, а щеки сами собой залились румянцем. Но такая его реакция лишь усилила улыбку на губах Хо Ци, отчего обычно красноречивый молодой человек начал запинаться:

— Я... я с детства слушал сказителей. В их историях генерал Хо всегда предстает героем нашего времени, беспощадным к врагам на поле боя, непревзойденным стратегом, воистину величественным. Я в сердце своем преклоняюсь перед генералом и давно лелеял желание с ним познакомиться. Потому и нашел этот надуманный предлог, чтобы опрометчиво явиться в резиденцию генерала. Прошу простить мою бесцеремонность.

«Полюбил меня из-за рассказов сказителей», — с легкой усмешкой подумал Хо Ци. У этого молодого наследника князя и впрямь детский склад ума.

— Для меня, Хо, большая честь быть обласканным вниманием молодого наследника. Однако северо-запад — суровый и холодный край, с негостеприимным климатом, где трудно выращивать злаки. К тому же, кочевники-ху на севере держат натянутыми тетивы миллионов луков, что делает эти земли опасными. Добавьте к этому редкость населения и унылую жизнь — это уж точно не та захватывающая картина, которую рисовали вам, молодой наследник. Я, Хо, всего лишь грубый воин, обладающий скромными талантами. Считаю великим счастьем возможность служить Отечеству, так как же могу я принять столь высокие похвалы от молодого наследника? Скорее это мне, Хо, завидно вам, молодой наследник. Цзяннань — земля, богатая природными дарами, с живописными горами и водами, настоящий рай на земле. Я в сердце своем всегда мечтал совершить путешествие в Цзяннань, но так и не смог осуществить это желание.

Действительно, справедлива поговорка, что у других всегда лучше. Оба они завидовали жизни друг друга. В глазах Ло Цинъяна Цзяннань, конечно, хороша, но, насмотревшись вдоволь на мягкие очертания гор, неспешные воды, беседки и павильоны над водой, давно уже пресытился.

Видя, с каким интересом Ло Цинъян слушает его, Хо Ци подумал, что мог бы рассказать ему о жизни на границе.

— Если молодому наследнику интересно, я мог бы выбрать пару забавных историй, случившихся на северо-западе, и поведать их для вашего развлечения. Однако наследник уже полдня провел в доме Хо, и, полагаю, в животе у него заурчало от голода. Позвольте мне, Хо Ци, распорядиться, чтобы слуги приготовили трапезу. Прошу наследника отобедать сегодня в моем скромном доме и позволить мне, Хо, исполнить долг гостеприимного хозяина.

Ло Цинъян, конечно, был согласен. Армейская жизнь из уст самого Хо Ци была, несомненно, куда правдивее, чем у рассказчиков в чайных. Он тут же кивнул в знак согласия.

Его глаза слегка прищурились, а выражение лица стало удовлетворенным, словно у котенка,

которого почесали за подбородком. Хо Ци, случайно заметив это, почувствовал в сердце странное движение. Внезапно он вспомнил лису, которую встретил много лет назад на охоте, ту, что чудом избежала его стрелы и которую он потом приручил.

Не сказать, что чудеса судьбы не поразительны: двое людей, изначально не имевших ничего общего, теперь сидят за одним обеденным столом. Во время трапезы Хо Ци отбросил свой обычный принцип «во время еды — не разговаривать» и они беседовали оживленно и весело, а в самых интересных местах Ло Цинъян и вовсе покатывался со смеху, полностью забыв о достоинстве наследника князя.

Когда трапеза подошла к концу, стемнело. Хо Ци приказал слугам завернуть свежесобранные цветы сливы, передал их управляющему и в конце концов проводил Ло Цинъяна обратно в княжескую резиденцию.

В тот вечер, после омовения, Хо Ци, как обычно, возлег на ложе, держа в руках книгу для легкого чтения. Случайно взгляд его упал за окно: внезапно пошел мелкий снег, лунный свет струился, словно шелковая ткань, а во дворе маленькие сливы мэйхуа трепетали и грациозно покачивались на северном ветру, их стройные силуэты вызвали чувство нежности. Не знаю почему, но в его сознании вдруг возник образ Ло Цинъяна, вспомнились белизна кожи юноши, его темные брови и изящная стать. Сам того не осознавая, он пробормотал строку, в которой была и похвала, и легкая фривольность:

«Прелестен юго-восток, что мужчин делает женственными».

В тот день небо прояснилось после снегопада. Хо Ци, давно не имевший возможности встать на коня, оседлал своего любимца Цинмана и, проехав полкруга по столичным предместьям, остановился у Павильона Самоидущего Дождя.

«Свет, заключенный в самоидущем дожде» был одним из восьми видов Шэньюна. Павильон Самоидущего Дождя располагался на одиноком островке посреди реки Ман, с берегом его соединял бамбуковый мост. Этот четырехугольный павильон был целиком сделан из бамбука, использовался прославленный прочный бамбук из Миньских земель. Название «Самоидущий Дождь» означало, что по его периметру струилась вода, словно дождь, идущий сам по себе.

Каждым летом, когда из недалекого чистого горного источника пускали воду, павильон окутывался завесой дождя, что разгоняло летний зной и создавало собственный уголок прохлады. Если же на павильон падали лучи заходящего послеполуденного солнца, то по его краям расходилось сияние, а струи воды, низвергающиеся с карнизов, ударяясь о речной поток, создавали клубы водяной пыли. И издали, и вблизи он казался чем-то запредельным, отрешенным от мира. Позже, чтобы знатные и богатые могли наслаждаться видами вокруг Павильона Самоидущего Дождя и зимой, в пол павильона проложили множество бамбуковых труб, по которым пускали теплую воду, отчего температура вокруг павильона становилась довольно высокой, и даже в самые лютые зимние морозы вода на несколько чжанов вокруг не замерзала. Желающие могли здесь рыбачить, заваривать чай, пить вино — это было неплохим развлечением в скучные зимние дни.

В детстве Хо Ци очень любил бывать в этом месте. Он был подвижным ребенком, зимой всегда не желал сидеть взаперти в доме Хо. Если у старого генерала Хо выдавалась свободная минутка, он обязательно сопровождал внука сюда порыбачить и попить чаю. Дед любил чай, и Хо Ци тоже научился у него искусству чаепития. А поскольку в те ранние годы дед и внук часто играли здесь в вэйци, Хо Ци также достиг немалого мастерства в этой игре.

Он привязал коня к стволу засохшего дерева на берегу и пешком направился к Павильону Самоидущего Дождя, но издали заметил, что в павильоне уже кто-то есть. Человек в павильоне, словно почувствовав его взгляд, обернулся. Хо Ци от природы обладал острым зрением, но на таком расстоянии разглядеть что-либо было невозможно.

Раз уж там кто-то был, Хо Ци, не желая нарушать уединение того человека, уже собрался повернуть назад, как вдруг услышал, как из павильона кто-то окликает его по второму имени.

— Брат Хуаньянь, куда же ты? Раз уж старые друзья встретились, почему бы не присоединиться к нам в Павильоне Самоидущего Дождя?

Шаги Хо Ци замерли. Обращение «брат Хуаньянь» вызвало в памяти бесчисленные воспоминания. Сколько лет уже никто не называл его так по второму имени.

Десять лет в Пинляне солдаты звали его генералом, знали лишь его имя Хо Ци. Кто теперь помнил, кто такой Хуаньянь? Если бы он не услышал это сейчас, возможно, и сам бы забыл.

<http://bllate.org/book/15614/1393975>